

Городок на Волге

Города нашего детства... Большие и малые... Известные и не очень... Они всегда живут в нашем сердце. Кем бы ты потом ни стал, куда бы ни забросила тебя судьба. Нет-нет да и всплывут в памяти то милым переулком, заросшим лопухами, то пожарной каланчой, то салютом в ночи... Первым, послевоенным, победным.

С привкусом кислого пороха и радостным рёвом паровоза: «Вернулись! Вернулись солдаты с войны! У-у-у!». Правда, не все... А многие — покалеченные... Но это был праздник. Великий праздник! Со слезами на глазах.

По-разному шли к этому долгожданному празднику люди. И взрослые, и дети. Но — одинаково трудно, мучительно. Потому он и запомнился на всю жизнь. Как тихая моя Кинешма. Когда-то купеческая, потом текстильная. С каменными лабазами и яблоневыми палисадами. С рябиной у крыльца и фабричными гудками...

А пока до Дня Победы было ещё четыре долгих-долгих года.

Дядина ладонь

Яркое весеннее утро. Трепет кудрявых берёз и басовитые гудки буксиров с Волги. Повсюду блики солнечных пятен. Мне шесть лет. И я страшно горд! Ведь иду по бульвару рядом с моим дядей. Дядей Володей. Самым известным человеком в нашем городке. Он — футболист. Лучший, как тогда говорили, голкипер — вратарь «Текстильщика». И его все знают — и взрослые, и дети.

Дядя, молодой и сильный — в белой футболке на шнуровке, в белых брюках клёш и в таких же белых, начищенных зубным порошком парусиновых туфлях — кивает налево и направо. Отвечает с улыбкой на приветствия знакомых и просто поклонников-болельщиков.

Я еле поспеваю за своим знаменитым дядей — он взял меня прогуляться до стадиона — и часто, заваливаясь набок, почти падаю. Но всякий раз в самый последний момент меня, точно футбольный мяч, подхватывают дядины руки. И тогда совсем близко я вижу его смеющееся лицо. Широкое, белозубое. И такое доброе-доброе. Ну точь-в-точь солнце в трепетной листве. Дядя ставит меня на ноги, улыбаясь, легонько щёлкает пальцем по носу, и мы продолжаем свой путь. А с высокого столба из чёрного треугольного громкоговорителя над чистым бульваром, по-над Волгой раздаётся бодрый марш: Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот.

Много-много воды утекло с тех пор. Много-много прошло по Волге пароходов. Я давно уже стал взрослым. И у меня самого уже взрослые сыновья. Но до сих пор память хранит свежесть того весеннего утра и родное тепло дядиной ладони, которая крепко сжимала мою маленькую ручонку и не давала упасть, когда я спотыкался!

Как меня обманули

Мне купили самолёт — игрушечный, алюминиевый, с альми звёздами по бокам. Совсем как настоящий. На таком, наверное, летал сам Чкалов — кумир моего детства.

Я сначала играл в нашем дворике, уставленном поленницами дров и заросшем по забору густой сиренью. Но скоро двор показался тесным, и в одно прекрасное весеннее утро я очутился на улице. Надувая зачем-то щёки и подняв над головой свою крылатую машину, я ошалело носился между своими и соседскими воротами. Опускался вниз и снова резко взмывал в небо, чертил «мёртвую петлю». В общем, делал то, что должен делать настоящий истребитель в небе. Наконец, я устал и присел на камень. А игрушку, продолжая

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

Когда война была маленькой

любоваться ею, поставил возле ног. Чуть передохнув, я уже было встал, но тут возле себя увидел незнакомого мальчишку. Из тех, которых дразнят «рыжий-рыжий-конопатый». Он был старше меня на два-три года и с высоты своего роста снисходительно постреливал глазами то на меня, то на мой самолёт...

В руках незнакомца — вспомнил, он жил на соседней улочке! — я увидел крохотный красный мячик. Рыжий-конопатый первым заговорил со мной. И вот мы уже о чём-то спорим, смеёмся.

Не помню уже как, какими словами, но новый приятель сумел убедить меня, что мячик... лучше самолёта. Убедил, и мы обменялись игрушками. Так же легко, как и познакомилась.

Заполучив мой самолёт, рыжий-конопатый тут же куда-то исчез. Я же, ударяя ладонью по тугому мячику, с ликующим криком бросился домой.

Каково же было моё удивление, когда вместо похвалы я получил взбучку от рассерженной мамы. Отец же стоял в стороне, прислонясь к дверному косяку, и только посмеивался.

Много позже я понял: так бессовестно обманули меня первый раз в жизни, и мне стало обидно за этот обман тогда, а не в детстве, когда душа была открыта и не ожидала подвохов.

Горький листок

Когда началась война, почти все взрослые мужчины с нашей улицы ушли на фронт. Отец Лёнька Комарова — сторож эле-

ватора, Витьки Малинина — боцман баржи, Вольки Данченко — часовщик... И многие другие. Только мой отец продолжал работать на железной дороге. И досужие соседки не без злорадства шептали ему в спину: «Подумаешь, у него бронь! Наши-то мужики давно там, а этот...».

Что такое «бронь», я не понимал. Наверное, это что-то плохое, думал я. И правда: отец очень тяготился этим словом. До полуночи он о чём-то шептался с матерью. А чуть свет уходил на станцию — мрачный, расстроенный. А однажды отец вернулся домой радостным: «Наконец-то!» — и помахал над головой какой-то бумажкой.

Это была повестка из военкомата. Он с нетерпением ждал её и, к великой своей радости, дождался.

...Потом от отца стали приходиться бумажные треугольники — солдатские письма. Приходили — значит, жив-здоров, воюет, радовались мы. И вдруг — молчание, долгое, непонятное. Молчание, за которым чудилось что-то страшное, неумолимое.

И вот как-то раз почтальонша тётя Даша принесла конверт. Мама долго не решалась его вскрыть. А потом прочитала и... вдруг зарыдала. Я стоял рядом и мучился оттого, что не знал, как утешить её, чем помочь. Потому что не мог ещё до конца понять, отчего мама плачет. Понимал только — виноват этот странный листок. И я решил уничтожить его. Но мама конверт спрятала. Всякий раз в её отсутствие я искал этот проклятый листок, заставивший маму так горько, так безутешно плакать. В сундуке, в шифоньере, даже в чулане. Искал и не мог найти...

Райское лакомство

Выпускал его маслозавод из шелухи подсолнечных семян. И представлял он собой плотные буроватые плитки. В мирное время жмыхом кормили домашнюю живность: коров, коз, овец... Теперь же, в лихую военную годину, жмых ели люди. Некоторые женщины ухитрились готовить из него несколько блюд: котлеты, блинчики, пирожки...

Однажды поздним вечером мама вела меня за руку из детсада. Когда мы проходили мимо фабрики, я увидел, как какой-то хромоногий дядька в замасленном фартуке сгружал с фургона эти великолепные, аппетитно пахнущие плитки.

Я остановился как вкопанный и снизу вверх выжидающе посмотрел на маму. Она, конечно же, сразу меня поняла. Мама отчего-то покраснела и стала тихо объяснять, что купить ничего не может — нет лишних денег. И ещё сказала, что я — хороший, послушный мальчик, который всё, разумеется, отлично понимает. Но — увы! — это были напрасные уговоры. Я стоял насупившись, поминутно дёргая маму за руку, и канючил, канючил... А потом вдруг заревел в три ручья. И мама, моя добрая, безотказная мама не выдержала, достала из сумочки какие-то бумажки. Наверное, последние, спрятанные про запас.

И вот я уже крепко держу в руках выторгованный у хромонокого дядьки кусочек жмыха. И жадно вгрызаюсь, вгрызаюсь в него зубами, и обыкновенный горьковатый жмых кажется мне в эти минуты потрясающим, чуть ли не райским лакомством.